

Оглавление

Адам Смит. "Исследование о природе и причинах богатства народов" (1776).....	1
Введение и план сочинения.....	2
Давид Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения». 1817.....	4
Предисловие к первому изданию.....	4
Давид Рикардо. Из письма Мальтусу от 9 октября 1820 г.....	5
Кэрнс Д. Э. Логический метод политической экономии. 1857.....	6
Лекция первая. Введение.....	6
Карл Маркс. К критике политической экономии ¹ . 1859. Предисловие.....	9

Адам Смит. "Исследование о природе и причинах богатства народов" (1776).

Адам Смит. (1723-1790) Биографическая справка

Этот рассеянный человек, всегда витавший в облаках, с невнятной дикцией, страдавший нервным тиком, считается сегодня подлинным основателем политической экономии.

Адам Смит родился в Шотландии. Как исключительно одаренный ученик, в 14 лет он поступил в университет. Сначала в Глазго, а затем в Оксфорде (с 1740 года по 1746 год) он изучает философию. Большое влияние на мальчика оказывают курсы нравственной философии Фрэнсиса Хатчесона (1654— 1746); а также творчество Дэвида Юма (1711— 1776) и, в частности, его "Трактат о человеческой природе".

По возвращении в Шотландию в 1751 году ему дают кафедру логики университета в Глазго. В 1752 году он получает также кафедру нравственной философии и таким образом оказывается преемником Хатчесона. Политическая экономия рассматривалась в четвертой части его курса, после естественной теологии, этики и юриспруденции. Так его экономическая концепция становится неотделимой от размышлений об обществе во всем его многообразии.

Первая книга, которая приносит ему известность, посвящена социальной философии: речь идет о "Теории нравственных чувств", опубликованной в 1759 году. Адам Смит считал ее основным своим трудом, судя по тому, что последние годы своей жизни он посвятил ее переизданиям.

В 1764 году он оставляет свои кафедры в университете Глазго и становится наставником молодого герцога Бакклафа; ему назначают пенсию, которую он будет получать всю оставшуюся жизнь. Сопровождая молодого вельможу во время двухлетней учебы (1764—1766) в Европе и, особенно, во Франции, Смит встречается с «экономистами» Кенэ и Тюрго.

Вернувшись в Шотландию, он принимается за "Исследования о природе и причинах богатства народов", которые выходят в свет в 1776 году. Работе сопутствует большой успех, и еще при жизни автора она переиздается четыре раза (1778, 1784, 1786, 1789).

Введение и план сочинения

Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов.

В зависимости поэтому от большего или меньшего количества этих продуктов или того, что приобретается в обмен на них, сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается.

Но это отношение у каждого народа определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими в общем применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят. Каковы бы ни были почва, климат или размеры территории того или иного народа, обилие или скудость его годового снабжения всегда будет зависеть в таком случае от этих двух условий.

Обилие или скудость этого снабжения зависит, по-видимому, в большей степени от первого из этих условий, чем от второго. У диких народов, охотников и рыболовов каждый человек, способный к труду, более или менее занят полезным трудом и старается по мере сил добывать все необходимое для жизни для самого себя или для тех лиц из своего семейства и племени, которые по своей старости, молодости или слабости не могут заниматься охотой и рыбной ловлей. Такие народы, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас вынуждает их, — или, по крайней мере, они думают, что она вынуждает их, — прямо убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям. Напротив, у народов цивилизованных и процветающих, — хотя у них большое число людей совсем не работает причем многие неработающие потребляют продукты в десять, а часто и в сто раз большего труда, чем большинство работающих, — продукт всего труда общества в целом так велик, что часто все бывают в изобилии снабжены им, так что работник даже низшего и беднейшего разряда, если он бережлив и трудолюбив, может пользоваться большим количеством предметов необходимости и удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь.

Причины этого прогресса в области производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе, составляют предмет первой книги настоящего исследования.

Каково бы ни было состояние искусства, умения и сообразительности, применяемых при работе данным народом, обилие или скудость годового снабжения должны зависеть, при неизменности этого состояния, от соотношения между числом людей, занятых полезным трудом, и числом лиц, не занимающихся им. Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления. Поэтому вторая книга рассматривает природу капитала, способы его

постепенного накопления, а также изменения в количествах труда, приводимых им в движение, в зависимости от различных способов его применения.

Народы, довольно далеко подвинувшиеся вперед в отношении искусства умения и сообразительности в применении своего труда, употребляли весьма различные методы для того, чтобы придать труду известный характер или направление, причем не все применявшиеся ими методы были одинаково благоприятны для умножения их продукта. Политика одних народов особенно сильно поощряла земледелие, политика других — городскую промышленность. Вряд ли хотя бы одна народ относился одинаково ко всем родам промышленности. Со времени падения Римской империи политика Европы более благоприятствовала ремеслам, мануфактуре и торговле, — одним словом, городской промышленности, чем земледелию — труду сельскому. Обстоятельства, которые, по-видимому, повели к такой политике и упрочили ее, объяснены в третьей книге.

Хотя эти различные методы были, может быть, обусловлены частными интересами и предрассудками отдельных групп населения, которые не принимали во внимание или не предусматривали возможных последствий от этого для благосостояния общества в целом, однако они послужили основанием для весьма различных теорий политической экономии; при этом одни из последних особенно подчеркивают значение городской промышленности, другие — сельской. Эти теории имели значительное влияние не только на мнения образованных людей, но и на политику государей и государственной власти. В четвертой книге я пытался возможно полнее и точнее объяснить эти различные теории и главные результаты, к которым они приводили в разные века и у различных народов.

В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход главной массы народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рассматривает доход государя или государства. В этой книге я старался показать, во-первых, каковы необходимые расходы государя или государства, какие из этих расходов должны покрываться за счет сборов со всего общества и какие — только определенной частью общества или отдельными его членами; во-вторых, каковы различные методы привлечения всего общества к покрытию расходов, падающих на все общество, и каковы главные преимущества и невыгоды каждого из этих методов; и, в-третьих, наконец, какие причины и соображения побуждали почти все современные правительства отдавать часть своих доходов в долгосрочный залог или заключать долги и какое влияние имели эти долги на действительное богатство общества, на годовой продукт его земли и его труда.

Давид Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения». 1817.

Предисловие к первому изданию

Продукт земли, - всё, что получается с её поверхности путём соединённого приложения труда, машин и капитала, - делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для её обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается.

Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем "ренды", "прибыли" и "заработной платы", весьма различны на разных стадиях общественного развития, в зависимости главным образом от уровня плодородия почвы, накопления капитала и роста населения, от квалификации и изобретательности работников и от орудий, применяемых в земледелии.

Определить законы, которые управляют этим распределением, - главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других, всё-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны.

В 1815 г. Мальтус в своём "Исследовании о природе и развитии ренты" и анонимный автор, член университетской коллегии в Оксфорде, в "Опыте о приложении капитала к земле" опубликовали почти в одно и то же время правильную теорию ренты. Без знакомства с ней нельзя понять влияния роста богатства на прибыль и заработную плату или дать удовлетворительную картину влияния налогов на различные классы общества, особенно когда предметом обложения служат продукты, получаемые непосредственно с поверхности земли. Адам Смит и другие талантливые экономисты, о которых я упоминал выше, не имея правильного представления о началах ренты, проглядели, как мне кажется, многие важные истины, которые могут быть раскрыты лишь тогда, когда сущность ренты вполне постигнута.

Чтобы восполнить этот пробел, требуются способности, значительно превышающие те, которыми обладает автор последующих страниц. Но он уверен, что никто не сочтёт притязательной его попытку изложить свои взгляды на законы прибыли и заработной платы и на действие налогов - взгляды, к которым он пришёл после самого внимательного рассмотрения предмета, руководясь указаниями, которые он черпал в трудах вышеупомянутых выдающихся экономистов, и стараясь, кроме того, использовать драгоценный опыт, который дали настоящему поколению последние годы, столь богатые новыми фактами. Если принципы, которые он считает правильными, будут действительно признаны таковыми, то другим, более талантливым экономистам придётся сделать из них все важнейшие выводы.

Подвергая критике установившиеся взгляды, автор считает необходимым обратить особенное внимание на те места в сочинениях Адама Смита, с которыми он имел основание не соглашаться. Он, однако, надеется, что никто вследствие этого не подумает, будто он не разделяет с теми, кто признаёт важное значение политической экономии, восторга, столь справедливо возбуждаемого глубоким трудом этого знаменитого автора.

То же замечание относится и к превосходным трудам г-на Сэя. Он не только был первым или одним из первых экономистов на континенте Европы <В подлиннике - "континентальных писателей", т. е. живущих не на Британских островах. - Прим. ред.>, правильно оценивших и прилагавших принципы Смита; он не только сделал больше всех их, взятых вместе, для ознакомления европейских наций с принципами этого просвещённого и благотворного учения, но сумел также внести в науку более логический и поучительный порядок и обогатил её многими оригинальными, точными и глубокими исследованиями <В особенности гл. XV, отд. I. "Рынки" содержит некоторые весьма важные принципы, которые, мне думается, были изложены впервые этим выдающимся экономистом>. Однако уважение, питаемое автором к трудам этого экономиста, не помешало ему подвергнуть критике - со всей свободой, какой требуют, по его мнению, интересы науки, - те взгляды Сэя (в "Economic politique"), которые явно противоречат его собственным идеям.

Давид Рикардо. Из письма Мальтусу от 9 октября 1820 г.

"Вы полагаете, что политическая экономия является исследованием о природе и причинах богатства; я же думаю, что ее следовало бы назвать исследованием законов, определяющих распределение произведенного продукта между классами, участвующими в его образовании. В отношении общего количества нельзя установить какого-либо закона, но есть возможность установить сравнительно правильный закон в отношении пропорций. С каждым днем я все больше убеждаюсь, что исследования первого вопроса тщетны и обманчивы и что только последний представляет собой истинный предмет науки".

Кэрнс Д. Э. Логический метод политической экономии. 1857.

[John Elliot Cairnes. The Character and Logical Method of Political Economy (1857).
Кэрнс Д. Э. Логический метод политической экономии. Основные принципы. Ценность. Международная торговля. («Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ) Вып. 10.) М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1898.]

http://www.sotsium.ru/books/92/83/cairnes_logical%20method%20of%20political%20economy.html#xl1

Лекция первая. Введение

«Все писатели, принадлежащие к школе экономистов, основателем которой может считаться Адам Смит, а Д.С. Милль последним и наиболее выдающимся систематиком, как бы ни были различны их мнения относительно первоначальных посылок политической экономии и метода этой науки, согласны в том, что политическая экономия может быть определена, как наука о богатстве. Это согласие предполагает согласие и по другим существенным пунктам, на которые и следует обратить внимание. Правда, авторитетные писатели возражали против ограничения предмета политической экономии только богатством, или, выражая ту же мысль иными словами, – против установления особой науки для исключительного исследования разряда явлений, называемых экономическими. Быть может, самым выдающимся из этих писателей был Огюст Конт. Следуя Конту, все различные явления общественной жизни – политические, правовые, религиозные, образовательные, эстетические, также как и экономические, должны быть предметом одного общего исследования, и ни одна часть этого целого не может быть изучаема без связи с прочими. Другие писатели, в числе их и Сэй, не примыкая к этому крайнему воззрению, в то же время стремились распространить экономические исследования за границы, устанавливаемые вышеуказанным определением – изучая вместе с явлениями богатства также и факты нравственной и общественной природы человека. ...

Введение в экономические рассуждения таких соображений, как вышеуказанные соображения Сэя, кажется мне ошибкой как раз такого же рода, как и ошибки древних греков в их физических исследованиях; метод Сэя – включать в одно и то же исследование соображения о задачах и целях общественного союза одновременно с экономическими законами богатства, по моему мнению, неизбежно приводит к этой ошибке. Писатель, понимающий таким образом цели политической экономии, постоянно подвергается искушению перейти от соображений, свойственных предмету его изучения, к обсуждению справедливости и пригодности тех или иных общественных форм – обсуждению, уместному только в более широкой науке об обществе. Вместо того чтобы заниматься вопросом – по каким законам известные факты возникают из известных начал, такой писатель будет стремиться выяснить, в каком отношении находятся данные факты к общественному благополучию и естественной справедливости; и обыкновенно ему удастся убедить себя, что он решил экономическую задачу, между тем как в действительности он только доказал или убедил себя в том, что доказал, справедливость известных общественных учреждений.

Итак, возражения против такого метода исследования экономических явлений имеют принципиальный характер и основываются на несовместимости задач исследования, которые этот метод стремится соединить воедино. Если бы даже было желательно назвать политической экономией эту более обширную область исследования,

все же было бы необходимо сохранить особую и независимую науку, наследующую законы производства и распределения богатства.

Далее, обычное определение признает политическую экономию наукой, и для тех, кто понимает, что такое наука в современном смысле этого слова, это сразу устанавливает и область и цель политической экономии. К несчастью, многие, прекрасно понимающие, что такое наука в области внешней природы, придают совершенно иной смысл этому термину, или, вернее, отказываются придавать ему какой бы то ни было смысл, когда он употребляется в применении к общественным явлениям. По мнению очень многих все то, что касается общественных явлений, – имеется ли при этом в виду устранение какого-либо несовершенства, или содействие порядку или прогрессу общества – составляет общественную науку; политической экономией в этом случае называют все, что так или иначе касается производства, распределения или потребления богатства. Но я особенно настаиваю на следующем положении: все, что имеет форму плана, преследующего определенную практическую цель, – будут ли это меры к уменьшению пауперизма, реформа господствующей системы землепользования, средства распространения кооперативного производства, регулирование денежного обращения, или если преследуются более честолюбивые цели – преобразование общества под руководством духовных или светских властей, в лице верховного первосвященника человечества и трех банкиров (Огюст Конт) – словом, каково бы ни было подобное предложение, стремится ли оно к широким или узким целям, благоразумно ли оно или безрассудно, оно не имеет научного характера и не имеет никаких прав на это наименование, если только задача этого предложения заключается в достижении определенных практических целей. Возьмем признанные естественные науки – астрономию, механику, химию, физиологию – разве они стремятся к определенным практическим целям? к изменению в определенном смысле, все равно в каком, данного устройства вселенной? Очевидно – нет. Задача этих наук всегда заключается не в достижении определенных вещественных результатов, не в оправдании известного научного положения, не в защите того или иного практического плана, а только в выяснении, в открытии законов природы, в установлении – какие явления находятся в связи друг с другом, какие следствия происходят от каких причин. Разве поэтому естественные науки не имеют практического значения для человечества? Я полагаю, что на это не стоит отвечать. Но если это так, то и *политическая экономия должна быть такой же наукой, как астрономия, механика, химия и физиология*. Предметы исследования этих наук различны; политическая экономия изучает богатство, между тем как естественные науки изучают внешнюю природу; но методы всех этих наук, их выводы существенно одни и те же. *Политическая экономия* выполняет то же самое по отношению к явлениям богатства, что астрономия выполняет по отношению к явлениям небесных тел, механика – по отношению к явлениям движения, химия – к явлениям химического соединения и физиология по отношению к явлениям органической жизни; политическая экономия выясняет законы, согласно которым явления богатства сосуществуют или следуют друг за другом; словом, эта наука устанавливает законы явлений богатства.

Быть может, не мешает несколько разъяснить это выражение. Оно нередко употребляется, но, подобно многим другим, часто употребляемым выражениям, не всегда имеет вполне определенный смысл. Само собою разумеется, что под *законами явлений богатства* я не подразумеваю актов парламента, а подразумеваю *естественные законы* этих явлений, *законы природы*. Что такое явления богатства? Это просто факты богатства, – такие факты, как производство, обмен, цена, или различные формы, принимаемые богатством в процессе его распределения, как заработная плата, прибыль, рента процент

и т.п. Все это – явления богатства; а естественными законами этих явлений я называю известные постоянные отношения, в которых эти явления находятся друг к другу и к своим причинам. Например, в Англии капитал возрастает из года в год в известной прогрессии; в Соединенных Штатах рост капитала совершается значительно быстрее, в Китае медленнее. Эти факты не случайны, но представляют собой естественный результат известных причин, например, внешних физических условий в этих странах, умственного развития и нравственного склада населяющих их народов, политических и социальных учреждений; и пока причины остаются прежними, результаты должны быть одни и те же. Точно также цены товаров, земельная рента, заработная плата, прибыль, процент различны в разных странах. Но особые формы, принимаемые этими явлениями, не более случайны, чем климат или минеральные богатства этих стран, их флора и фауна. В экономических, также как и в физических явлениях, наблюдаемые нами факты суть результаты причин, и связь между этими фактами и их причинами постоянна и неизменна. Эти-то постоянные отношения, существующие между экономическими явлениями, мы и имели в виду, говоря о законах явлений богатства; и задача политической экономии заключается в изложении этих законов. Если меня спросят, в чем заключается полезность такого изложения экономических законов, я отвечу – в том же самом, в чем заключается польза всякого научного познания. Оно указывает нам пределы нашей власти над существующими экономическими фактами, указывает нам средства достижения наших целей в области материального благополучия. Благодаря такому познанию, человек становится господином и истолкователем природы, и учится, подчиняясь природе, управлять ею.

Карл Маркс. К критике политической экономии¹. 1859. Предисловие

Источник: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т.13. – С.5-9.

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; последовательная обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение², которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые замечания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными.

Моим специальным предметом была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842–1843 гг. мне как редактору “*Rheinische Zeitung*”³ пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, официальная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний оберпрезидент Рейнской провинции, вступил с “*Rheinische Zeitung*” относительно положения мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами⁴. С другой стороны, в это время, когда благое желание “идти вперед” во много раз превышало знание предмета, в “*Rheinische Zeitung*” слышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с аугсбургской “*Allgemeine Zeitung*”⁵ откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей “*Rheinische Zeitung*”, которые надеялись более умеренной позицией добиться отмены вынесенного ей смертного приговора, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже “*Deutsch-Französische Jahrbücher*”⁶. Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет “гражданским обществом”, и что анатомию гражданского

общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий² (в “Deutsch-Französische Jahrbücher”) поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (ср. его “Положение рабочего класса в Англии”³); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность

идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись – в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа⁹ – давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель – уяснение дела самим себе – была достигнута. Из отдельных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны изложили наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный совместно Энгельсом и мной “Манифест Коммунистической партии” и опубликованную мной “Речь о свободе торговли”¹⁰. Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе “Нищета философии”¹¹, выпущенной в 1847 г. и направленной против Прудона. Февральская революция и последовавшее в связи с ней насильственное удаление меня из Бельгии прервали печатание написанной на немецком языке работы о “Наемном труде”¹², в которой я собрал лекции, читанные мною в Немецком рабочем обществе¹³ в Брюсселе.

Издание “Neue Rheinische Zeitung”¹⁴ в 1848 и 1849 гг. и последовавшие затем события прервали мои экономические занятия, которые я смог возобновить только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, – все это побудило меня приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал. Эти занятия приводили, отчасти сами собой, к вопросам на первый взгляд совершенно не относящимся к предмету, но на которых я должен был останавливаться более или менее продолжительное время. Но особенно сокращалось имевшееся в моем распоряжении время вследствие настоятельной необходимости работать ради хлеба насущного. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в “New-York Daily Tribune”¹⁵, первой англо-американской газете (собственно газетные корреспонденции я пишу только в виде исключения), делало необходимым чрезвычайно частые перерывы в моих научных занятиях. Однако статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы для газеты, что я принужден был познакомиться с практическими деталями, лежащими за пределами собственно науки политической экономии.

Эти заметки о ходе моих занятий в области политической экономии должны лишь показать, что мои взгляды, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследований. А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

“Qui si convien lasciare ogni sospetto;
Ogni viltà convien che qui sia morta”*.

Карл Маркс

Лондон, январь 1859 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выдающееся произведение К. Маркса *“К критике политической экономии”*, знаменующее собой важный этап в создании марксистской политической экономии, было написано в августе 1858 – январе 1859 года. Написанию этой книги предшествовала пятнадцатилетняя разносторонняя научно-исследовательская работа, в ходе которой Маркс изучил огромную массу общественно-экономической литературы и разработал основы своего экономического учения.

В августе 1857 г. Маркс приступает к систематизации собранного им материала и написанию большого экономического произведения. Первый набросок плана этого произведения Маркс составил в августе– сентябре 1857 года. В течение последующих нескольких месяцев Маркс детализирует свой план и в апреле 1858 г. решает, что вся работа будет состоять из шести книг. Первую книгу намечено было посвятить исследованию капитала, причем автор имел в виду изложению проблем капитала предпослать несколько вводных глав; вторую книгу – земельной собственности, третью – исследованию наемного труда, четвертую – государства, пятую – международной торговли и шестую – мирового рынка. Предполагалось, что первая книга будет включать четыре отдела, причем в первый отдел, названный Марксом *“Капитал вообще”*, войдут три главы: 1) стоимость, 2) деньги и 3) капитал.

Работая над первой книгой, т. е. над книгой *“О капитале”*, Маркс в период с августа 1857 по июнь 1858 г. написал рукопись объемом около 50 печатных листов, изданную Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939–1941 гг. на немецком языке под названием *“Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)”* (*“Основные черты критики политической экономии (Черновой набросок)”*). В этой рукописи, содержащей общее введение, раздел о деньгах и значительно более обширный раздел о капитале, Маркс впервые изложил первые результаты своих многолетних экономических исследований, в том числе основные положения своей теории прибавочной стоимости. Рукопись 1857–1858 гг. является, по существу, первоначальным незавершенным вариантом первой части задуманного в то время Марксом фундаментального экономического произведения.

В начале 1858 г. Маркс решает приступить к изданию своего труда по частям, отдельными выпусками. Заключив предварительный договор с берлинским издателем Ф. Дункером, он работает над первым выпуском. В течение августа 1858 – января 1859 г. он перерабатывает главу о деньгах, пишет главу о товаре, редактирует окончательный текст этой рукописи и, озаглавив ее *“К критике политической экономии”*, 26 января 1859 г. отправляет к издателю в Берлин. Вместо намечавшихся 5–6 печатных листов первый выпуск разрастается до 12 печатных листов и состоит уже не из трех глав, как намечалось планом, а из двух: *“Товар”* и *“Деньги, или простое обращение”*. В феврале 1859 г. Маркс отправляет в издательство и предисловие. В июне 1859 г. работа *“К критике политической экономии”* вышла в свет. Имеющиеся в работе *“К критике политической экономии”* подзаголовки *“Книга первая. О капитале”* и *“Отдел первый. Капитал вообще”* свидетельствуют о том, что она представляет собой начало первой книги из запланированных шести книг.

Вслед за первым выпуском Маркс собирался опубликовать второй выпуск, в котором должны были найти отражение проблемы капитала. Дальнейшие исследования, однако, побудили Маркса изменить первоначальный план своего большого труда. План из шести книг был заменен планом четырех томов *“Капитала”*. Поэтому вместо второго и следующих выпусков Маркс подготовил *“Капитал”*, в который включил в переработанном виде также и некоторые основные положения книги *“К критике политической экономии”*.

При жизни Маркса книга “К критике политической экономии” не переиздавалась, исключение составляет предисловие, которое в несколько сокращенном виде было опубликовано 4 июня 1859 г. также в лондонской немецкой газете “Das Volk” (“Народ”). Отрывок из второй главы книги, посвященный критике утопической теории Грея о рабочих днях, Энгельс включил в качестве дополнения в немецкие издания 1885 и 1892 гг. работы Маркса “Нищета философии”. Первое русское издание книги было выпущено в 1896 году в Москве. В основу настоящего издания книги “К критике политической экономии” положен текст его первого немецкого издания, подготовленного к печати автором. Однако при этом были учтены, во-первых, поправки и пометки Маркса в его личном экземпляре книги, а во-вторых, поправки и пометки, сделанные Марксом в экземпляре книги, подаренной им Вильгельму Вольфу 19 августа 1859 года. Некоторые из этих поправок и пометок автора были реализованы Энгельсом при подготовке к печати третьего тома “Капитала”. Цитируя отдельные места из работы “К критике политической экономии”, Энгельс привел их в исправленной, уточненной Марксом редакции. Фотокопии этих экземпляров книги с поправками и пометками Маркса находятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

² Имеется в виду неоконченное “Введение”, которое предназначалось Марксом для большого экономического произведения (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* – 2-е изд. Т. 12. С. 709–738).

³ “*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*” (“Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности”) – ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником “*Rheinische Zeitung*”, и с октября того же года – одним из ее редакторов. В “*Rheinische Zeitung*” был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для “*Rheinische Zeitung*” особенно строгую цензуру, а затем закрыло ее.

⁴ Имеются в виду статьи К. Маркса: “Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса” и “Оправдание мозельского корреспондента” (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* – 2-е изд. Т.1. С. 119-160, 187–217).

⁵ “*Allgemeine Zeitung*” (“Всеобщая газета”) – немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. В 1842 г. выступила с фальсификацией идей утопического коммунизма и социализма, которую Маркс разоблачил в своей статье “Коммунизм и аугсбургская “*Allgemeine Zeitung*”, напечатанной в “*Rheinische Zeitung*” в октябре 1842 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* – 2-е изд. Т.1. С.114–118).

⁶ “*Deutsch-Französische Jahrbücher*” (“Немецко-французский ежегодник”) издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: “К еврейскому вопросу” и “К критике гегелевской философии права. Введение”, а также произведения Ф. Энгельса: “Наброски к критике политической экономии” и “Положение Англии. Томас Карлейль. “Прошлое и настоящее”” (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.* – 2-е изд. Т.1. С. 382–413, 414–429, 544–571, 572–597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса от революционного демократизма к

материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге.

⁷ Имеется в виду первая экономическая работа Ф. Энгельса “Наброски к критике политической экономии” (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. Т.1. С. 544–571).

⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. Т.2. С.231–517.

⁹ Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса “Немецкая идеология” (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. Т.3. С. 7–544).

¹⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. Т.1. С. 419–459, 404–418.

¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. Т.4. С. 65–185.

¹² Имеется в виду работа К. Маркса “Наемный труд и капитал” (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – 2-е изд. Т.6. С. 428–459).

¹³ *Немецкое рабочее общество* в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г., с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идеи научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией.

¹⁴ “*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*” (“Новая Рейнская газета. Орган демократии”) выходила ежедневно в Кельне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 14 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, “*Neue Rheinische Zeitung*” играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революций, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кельнских властей, – все это уже с первых месяцев существования “*Neue Rheinische Zeitung*” повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре – декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, “*Neue Rheinische Zeitung*” мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов “*Neue Rheinische Zeitung*” послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й, номер “*Neue Rheinische Zeitung*”, напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что “их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!”

¹⁵ *“New-York Daily Tribune”* (“Нью-Йоркская ежедневная трибуна”) – американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40-50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для *“New-York Daily Tribune”* было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Поскольку Энгельс писал свои статьи главным образом в Манчестере, поставленные на них в ряде случаев даты расходятся с подлинными датами их написания, так как Маркс обычно указывал на статьях дату отправки их в Нью-Йорк. Некоторые из статей, написанных в Лондоне, Маркс помечал Парижем, Веной или Берлином. Статьи Маркса и Энгельса в *“New-York Daily Tribune”* охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также для показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция *“New-York Daily Tribune”* в ряде случаев произвольно обращалась со статьями Маркса и Энгельса, печатая многие из них без подписи автора и в виде редакционных передовых. С середины 1855 г. вообще все статьи Маркса и Энгельса печатались в газете без подписи. В некоторых случаях редакция допускала вторжение в текст статей и произвольно их датировала. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, редакция предложила Марксу сократить число его корреспонденций в *“New-York Daily Tribune”*. Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве *“New-York Daily Tribune”* с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций.

* “Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета”
(Данте. “Божественная комедия”). Ред.

